

УДК 165.0

DOI: 10.15372/PS20220410

Е.В. Борисов

ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ В ДУХЕ КАПЛАНА

В обсуждаемой статье О.А. Козырева утверждает, что семантика Д. Каплана для индексикалов требует модификации, поскольку она неприменима при объяснении ряда проблемных случаев коммуникации, и что необходимая модификация семантики Каплана влечет пересмотр разграничения между семантикой и прагматикой. Я привожу возражение против первого из этих тезисов, что ставит под сомнение и второй. Возражение состоит в том, что семантика Каплана, дополненная рядом прагматических идей, успешно объясняет «проблемные» случаи коммуникации.

Ключевые слова: индексикальные выражения; семантика; прагматика; значение; референция; контекст; коммуникация; Д. Каплан

E.V. Borisov

KAPLANIAN THEORY OF COMMUNICATION

In the paper under discussion, O.A. Kozyreva claims that D. Kaplan's semantics of indexicals needs a modification because it cannot explain some controversial cases of communication. She also argues that the needed modification of Kaplan's semantics entails a revision of the distinction between semantics and pragmatics. The author objects to the first claim, which also calls into question the second one. His objection is that Kaplan's semantics supplemented by some pragmatic ideas successfully explains "controversial" cases of communication.

Keywords: indexicals; semantics; pragmatics; meaning; reference; context; communication; D. Kaplan

В обсуждаемой статье, как и в работе [4], О.А. Козырева отстаивает два следующих тезиса: 1) семантика Каплана для индексикалов требует модификации, потому что дает неверные результаты при объяснении «проблемных» случаев коммуникации; 2) необходимая модификация семантики Каплана влечет пересмотр разграничения между семантикой и прагматикой. «Проблемные» случаи коммуникации описаны в работах [4; 8–10] и др. Я выдвинул неко-

торые возражения против этих тезисов в статьях [1; 2], а в этой реплике выдвигаю еще одно возражение, учитывающее аргументацию, представленную в обсуждаемой статье О.А. Козыревой. Мой тезис состоит в том, что предложение О.А. Козыревой не имеет под собой достаточного основания¹. Это следует из того, что, как я покажу ниже, семантика Д. Каплана, дополненная прагматикой, вполне успешно справляется со всеми «проблемными» случаями, которые О.А. Козырева упоминает в работах [3; 4].

Далее я буду называть *теорией коммуникации в духе Каплана* комплекс, включающий в себя семантику индексикалов Каплана и ряд прагматических идей, объясняющих, как мы понимаем языковые выражения в коммуникации. Семантика индексикалов Каплана детально разработана и представлена в качестве формальной системы [6, с. 543–553; 7]. Прагматическая часть теории коммуникации в духе Каплана может содержать любые релевантные прагматические идеи, не обязательно каплановские².

Ниже я покажу, как теория коммуникации в духе Каплана объясняет один из «проблемных» случаев коммуникации. При этом я буду использовать несколько упрощенную версию основных понятий семантики Каплана – понятий контекста и характера. Упрощение не повлияет на существо обсуждаемого вопроса, но позволит сократить рассуждения. Вот упрощенные дефиниции.

Контекст – это множество, содержащее три элемента: агента, время и место.

Значение (характер) индексикала – это функция от контекстов к референтам: референт «я» в контексте *c* – это агент *c*. Аналогично определяются референты «здесь» и «сейчас» в *c*. Например, в контексте {Пушкин, 1 апреля 1830 г., Северный полюс} референт «я» – это Пушкин, референт «сейчас» – 1 апреля 1830 г., референт «здесь» – Северный полюс.

¹ Чтобы избежать неверного понимания, подчеркну, что я не считаю семантику Каплана неприкосновенной, т.е. не думаю, что ее *нельзя* модифицировать. Мой тезис состоит в том, что О.А. Козырева в статьях [3–4] не показала, что модифицировать эту семантику *нужно*. Это относится и к разграничению семантики и прагматики.

² Каплан высказывает ряд прагматических идей в работе [5] и в неформальных фрагментах работы [6]. Прагматическая часть рассматриваемой здесь теории коммуникации не ограничивается этими идеями Каплана, она может содержать любую релевантную идею любого автора.

Значение (характер) предложения – это функция от контекстов к пропозициям, которую можно описать в серии тезисов вида «В контексте *c* данное предложение выражает пропозицию *p*». Например, в контексте {Пушкин, 1 апреля 1830 г., Северный полюс} предложение «Я приду завтра» выражает пропозицию, что Пушкин придет на Северный полюс 2 апреля 1830 г.

В разных контекстах предложение, содержащее индексикалы, выражает разные пропозиции. Но в процессе коммуникации цель говорящего – сообщить слушателю одну определенную пропозицию, а цель слушателя – понять, какую именно пропозицию говорящий хочет сообщить. Следовательно, для того чтобы коммуникация была успешной, ее участникам нужно не только знать значение предложения как функцию от контекстов к пропозициям, но и применить эту функцию к определенному контексту, чтобы получить определенную пропозицию. Буду называть такой контекст *коммуникативно релевантным*. Какой именно контекст является коммуникативно релевантным в той или иной коммуникативной ситуации? Семантика Каплана не отвечает на этот вопрос, но на него отвечает прагматика как часть теории коммуникации в духе Каплана.

Рассмотрим следующий случай коммуникации. Иван знает, что сегодня, 1 сентября 2022 г., не появится в своем офисе, но планирует прийти туда на следующий день. Он просит Петра сообщить об этом возможным посетителям, Петр пишет записку «Я приду завтра» и помещает ее на двери офиса Ивана. Мария приходит к офису Ивана, читает записку и узнает почерк Петра. Допустим, коммуникация оказалась успешной, т.е. Мария поняла написанное в том смысле, что Иван придет в свой офис 2 сентября 2022 г. Как она пришла к этому выводу? На этот вопрос общими усилиями отвечают семантика и прагматика.

Будучи носителем русского языка, Мария, конечно, понимает значение предложения «Я приду завтра» как зависимость выражаемой пропозиции от контекста. Это значит, что она может вообразить огромное множество контекстов и для каждого из них она понимает, какую пропозицию выражает в нем данное предложение. Но чтобы понять, какую пропозицию хочет сообщить автор записки, она должна из этого множества контекстов выбрать один – релевантный для данной коммуникативной ситуации. Допустим, ей в голову приходят три контекста: {Пушкин, 1 апреля 1830 г., Север-

ный полюс}, {Петр, 1 сентября 2022 г., офис Ивана}, {Иван, 1 сентября 2022 г., офис Ивана}. Она понимает, что в первом контексте предложение выражает пропозицию, что Пушкин придет на Северный полюс 2 апреля 1830 г., во втором – что Петр придет в офис Ивана 2 сентября 2022 г., в третьем – что Иван придет в свой офис 2 сентября 2022 г. Марии нужно выбрать один из указанных контекстов. Конечно, первый контекст она сразу отбрасывает: его нерелевантность очевидна. Второй и третий контексты она обдумывает более внимательно, поскольку допускает, что они оба могут оказаться релевантными. Она рассуждает следующим образом.

Вполне вероятно, что временем коммуникативно релевантного контекста является сегодняшний день, т.е. 1 сентября 2022 г., потому что записка появилась сегодня. Вполне вероятно также, что местом такого контекста является офис Ивана, поскольку записка прикреплена на его двери. Агентом такого контекста может быть Петр, поскольку записка написана его рукой, но может быть и Иван, поскольку записка находится на двери его офиса. Таким образом, относительно места и времени коммуникативно релевантного контекста все ясно, неясность остается только относительно агента. Если агентом контекста является Петр, то получается, что Петр хотел сообщить Ивану, что завтра придет в его офис. Но чтобы сообщить об этом, Петр не стал бы писать записку, а воспользовался бы телефоном. Если же агентом является Иван, значит, Петр хотел сообщить всем, кто захочет сегодня встретиться с Иваном в его офисе, что они смогут это сделать только завтра. Последнее предположение, в отличие от первых двух, правдоподобно, стало быть, из рассмотренных контекстов подходит только {Иван, 1 сентября 2022 г., офис Ивана}.

Выбрав этот контекст, Мария прочитывает записку как сообщение о том, что Иван будет в своем офисе 2 сентября 2022 г., что обеспечивает успех коммуникации.

Как видим, Мария использовала свое знание двух вещей: русского языка и коммуникативных практик, принятых в ее сообществе. Знание языка позволило ей понять значение предложения «Я приду завтра» как функцию от контекстов к пропозициям. Знание коммуникативных практик позволило выбрать коммуникативно релевантный (в данной ситуации) контекст. Поняв значение предложения и выбрав контекст, она применила первое ко второму, тем самым получив пропозицию, которую хотел сообщить своей запиской Петр. Теория коммуникации в духе Каплана вполне успешно описывает данный фрагмент коммуникации (понимание Марией

записки Петра): семантика Каплана показывает известное Марии значение предложения, а прагматика объясняет, почему Мария выбрала для прочтения записки именно этот контекст, а не какой-либо другой. Данный фрагмент коммуникации сводится к применению функции (значения предложения) к аргументу (коммуникативно релевантному контексту). Это позволяет представить разделение труда между семантикой и прагматикой применительно к данному случаю в двух словах: семантика описывает *функцию*, прагматика объясняет выбор подходящего *аргумента* для этой функции.

О.А. Козырева считает рассмотренный случай коммуникации контрпримером для семантики Каплана, поскольку, как она утверждает, «значение “я” в этой ситуации³ будет отличаться от того, которое “предсказывает” каплановская семантика» [3, с. 95]. Судя по контексту статьи, О.А. Козырева здесь использует термин «значение» в смысле «референт» и полагает, что: (1) в описанной ситуации референтом «я» является Иван; (2) каплановская семантика предсказывает, что референтом «я» является Петр. Это утверждение О.А. Козыревой отчасти неполно, отчасти же ошибочно. Неполным является тезис (1). Дело в том, что формулировка «референтом “я” является X» неполна без указания контекста; полная формулировка звучит так: «референтом «я» в контексте *c* является X». Ошибочен тезис (2): как было показано выше, семантика Каплана не «предсказывает» референт для той или иной коммуникативной ситуации, а описывает функцию от контекстов к референтам. Референт же «предсказывает» прагматика (и делает это вполне успешно применительно к данной ситуации). Таким образом, я не согласен с трактовкой рассмотренного случая как контрпримера для семантики Каплана.

Итак, теория коммуникации в духе Каплана применима к приведенному примеру. Аналогичный аргумент может быть развернут относительно любого из известных мне примеров, которые О.А. Козырева считает контрпримерами для семантики Каплана. Но если машина работает, нет нужды ее ремонтировать. Поэтому предложение О.А. Козыревой о пересмотре семантики Каплана и разграничении семантики и прагматики я считаю необоснованным.

³ Ситуация, о которой здесь говорит О.А. Козырева, отличается от приведенного мною примера, но только в несущественных деталях.

Литература

1. *Борисов Е.В.* Индексикалы, семантика и прагматика // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 292–298.
2. *Борисов Е.В.* Семантический и прагматический аспекты индексикальных выражений // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 23–30.
3. *Козырева О.А.* О разграничении семантики и прагматики // Философия науки. 2022. № 4 (95).
4. *Козырева О.А.* Проблема референции индексикалов: возможные подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 269–281.
5. *Kaplan D.* Afterthoughts // *Themes form Kaplan* / Ed. by J. Almog, J. Perry, and H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 565–614.
6. *Kaplan D.* Demonstratives // *Themes form Kaplan* / Ed. by J. Almog, J. Perry, and H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
7. *Kaplan D.* On the logic of demonstratives // *Journal of Philosophical Logic*. 1979. Vol. 8. P. 81–98.
8. *Predelli S.* I am still not here now // *Erkenntnis*. 2010. Vol. 74. P. 289 – 303.
9. *Romdenh-Romluc K.* «I» // *Philosophical Studies*. 2006. Vol. 128. P. 257–283.
10. *Sidelle A.* The Answering Machine Paradox // *Canadian Journal of Philosophy*. 1991. Vol. 21. P. 525–539.

References

1. *Borisov, E.V.* (2022). Indeksikalny, semantika i pragmatika [Indexicals, semantics, and pragmatics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 67, 292–298.
2. *Borisov, E.V.* (2022). Semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty ineksikalnykh vyrazheniy [Semantic and pragmatic aspects of indexicals]. *Respublica Literaria*, Vol. 3, No. 2, 23–30.
3. *Kozyreva, O.A.* (2022). O razgranichenii semantiki i pragmatiki [On the distinction between semantics and pragmatics]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 4 (95).
4. *Kozyreva, O.A.* (2022). Problema referentsii indeksikalov: vozmozhnye podkhody [Some possible approaches to the problem of indexical reference]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science], 67, 269–281.
5. *Kaplan, D.* (1989). Afterthoughts. In: Almog, J., J. Perry & H. Wettstein (Eds.). *Themes form Kaplan*. Oxford, Oxford University Press, 565–614.
6. *Kaplan, D.* Demonstratives. (1989). In: Almog, J., J. Perry & H. Wettstein (Eds.). *Themes form Kaplan*. Oxford, Oxford University Press, 481–563.
7. *Kaplan, D.* (1979). On the logic of demonstratives. *Journal of Philosophical Logic*, 8, 81–98.
8. *Predelli, S.* (2010). I am still not here now. *Erkenntnis*, 74, 289–303.
9. *Romdenh-Romluc, K.* (2006). “I”. *Philosophical Studies*, 128, 257–283.

10. *Sidelle, A.* (1991). The Answering Machine Paradox. *Canadian Journal of Philosophy*, 21, 525–539.

Информация об авторе

Борисов Евгений Васильевич. Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
borisov.evgeny@gmail.com

Information about the author

Borisov, Evgeny Vasilyevich. Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Дата поступления 26.10.2022